

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

НАЙТИ СЕБЯ

О рассказах молодого азербайджанского прозаика Керамета Беюкчеля

Часто встречаю в газетах «Каспий», «Мир литературы», в журнале «Литературный Азербайджан» рассказы молодых русскоязычных литераторов, с интересом их читаю. Тот же интерес возникает у меня при чтении прозы молодых на азербайджанском языке. Образцы подобной «малой» прозы часто публикует «525-я газета». Это – нужное и благородное дело. Жаль, что русскоязычные писатели Азербайджана и литераторы, пишущие на родном языке, сегодня более чем когда-либо находятся в неведении о том, что происходит по ту сторону литературного развала: первые слабо знают родной язык, а молодые азербайджаноязычные практически утратили знание русского языка – те и другие в лучшем случае обращаются к переводной литературе, а по большей части предпочитают вариться в собственном соку.

Это действительно обидно, ибо в прозе сегодняшних молодых, на каком бы языке они ни писали, много точек соприкосновения, можно провести много интересных параллелей и сделать весьма любопытные выводы, характеризующие современный литературный процесс в нашей стране.

Думаю, что это благодатная тема для наших многочисленных литературоведов. Я же лишь обозначила проблему.

...Побудило же меня взяться за перо творчество молодого, но уже довольно известного в литературных кругах прозаика Керамет Беюкчель, человека весьма импульсивного и эмоционального, с обнаженными, как у многих молодых, нервами и стремлением сделать себе имя, пусть даже ценой успеха станут эпатаж, провокация, неуважительное отношение к классикам и корифеям литературы. Словом, нон-конформизм и бунтарство...

...Керамет попросил как-то дать ему интервью на свободную тему, мы проговорили с ним несколько часов – о прошлом и настоящем, о литературе и политике, и мне этот молодой человек чем-то приглянулся, может быть, своей искренностью, может, любовью к слову, может, искренним стремлением вникнуть, понять другого... Настоящий литератор должен несомненно обладать даром понимания.

А потом, так как я являюсь подписчиком «525-й газеты», мне довелось прочитать в летних номерах этого издания с добрую дюжину рассказов Керамета Беюкчеля, которые при всей их неровности и неравноценности также чем-то цепляют. Темы рассказов, как правило, очень личные, порой даже экзистенциальные – обращение к памяти и душе безвременного ушедшего в мир иной друга, ироничные поиски самого себя («Не могу найти самого себя. Сколько уж дней как ищу. Если найду, убью, честное слово...»), размышления автора над тем, что и как спасло его от мыслей о самоубийстве. Кстати, это последнее эссе весьма ценно по своему беспощадно откровенному и в конечном итоге позитивному настрою, я бы советовала его прочитать всем молодым, которых в тот или иной период обуревают те же мысли, что и Керамета. Недаром из СМИ мы почти каждый день узнаем о самоубийстве молодого человека или девушки. И причины-то для самоубийства порой просто ничтожны и почти всегда преодолимы. Очень жаль, что в этот момент рядом с ними не оказался такой человек, как Керамет.

В эссе Бююкчёля «Кто и что спасло меня от самоубийства» есть очень волнительный пассаж:

«После того как никто не сумел меня спасти, я решил обратиться к самому себе и у самого себя попросить помощи. Правда, попасть на прием к себе оказалось делом не из легких. Долго я прождал перед закрытой дверью, а когда наконец вошел, спросил у себя, в чем твоя беда? Я такое порассказал, такое... что в конце концов самому захотелось над самой посмеяться. Стало понятно, что у меня нет никакого горя. В том смысле, что на свете вообще нет горя, которое могло бы стать причиной самоубийства. И после того как я сам себе это объяснил, я поднялся на ноги, обнял себя и поцеловал. И за эту мудрость поблагодарил сам себя...» И в конце этого эссе жизнеутверждающий призыв: «Еще раз говорю вам, на самом деле, независимо от того, в каких условиях мы живем, при каких условиях едим свой кусок хлеба, нужно искать пути к счастью. И свет для меня – это беспрестанное стремление быть счастливым...»¹

Все рассказы Керамета, по сути, посвящены поискам самого себя в этом сложном, непонятном мире. Даже в рассказе о близких – о страдающем сердечной недостаточностью отце, о маленьком сынишке, которого он назвал Барыш («Примирение»), о забавной встрече с рыжеволосой девушкой на приемных экзаменах в вуз, Керамет описывает прежде всего свое состояние души, свои эмоции и чувства. Например, как он, еще будучи маленьким, узнал, что медицина научилась пересаживать сердца. После этого он день и ночь думал о том, что может отдать свое сердце отцу. «Домашним я об этом не говорил, стеснялся, но про себя твердо знал, что в груди ношу запасное сердце – для отца. Я порой даже представлял свое сердце в груди отца, и сразу же начинал задыхаться, у меня появлялась одышка. Как будто у моего маленького сердца не хватало сил перегонять кровь в большом отцовском теле...»

... Герои рассказов Керамета Бююкчёля – знакомые, близкие, родные, любимые ему люди. Обыденные, самые будничные жизненные ситуации. Но все эти ситуации – лишь средство для погружения в глубины собственной души. Хотя иногда молодой литератор достигает в своей прозе почти чеховской глубины и точности, так, что от рассказа перехватывает дыхание. Меня, например, очень тронул рассказ «Флеш». Если коротко, то рассказ – о его дяде, сельском интеллигенте, учителе русского языка и литературы, который давно уже пишет рассказы «в стол», даже не пытаясь их опубликовать. И это делает ему честь. Автор замечает, что читал некоторые из этих рассказов, их особой литературной удачей не назовешь, но не будешь же говорить об этом дяде, ведь рассказы – это, по сути, вся его жизнь, может быть, даже главнее, чем та, что открыта для всех. В какой-то период дядя увлекся современными техническими достижениями, подружился с компьютером и стал переводить в электронный формат все написанное им за долгие годы. А потом сохранять рассказы на маленькой флешке, которую он искренне считал самым чудесным из изобретений человечества. В один прекрасный день дядя сжег все свои старые рукописи, посчитав, что в них уже нет надобности, ибо он все перевел на флешку... А флешка возьми да потеряйся, ведь он столько раз ее перепрятывал, что в конце концов сам запомнил, куда он ее положил.

Концовка новеллы звучит, как я уже говорила, почти по-чеховски: «Недавно я говорила по телефону с дядей. По голосу почувствовал, что он сильно сдал. И еще почувствовал, что он боится продолжать поиски своей флешки, а вдруг он ее и впрямь никогда не найдет...»

Очень понравился рассказ «Деревья, в тени которых мы целовались». Он о любви. О любви мужчины к женщине, которая, по мысли автора, является той единственной силой, что побуждает человека пройти до конца по нелегкой, порой полной мук и испытаний дороге жизни.

¹Здесь и далее переводы автора статьи – Э.Ахундовой

«Говорят, что настоящая любовь – это любовь к Аллаху. Или что настоящая любовь – это любовь к жизни, к природе, еще к чему-то... Пустое все это... Настоящая любовь – это любовь к женщине. Потому что ни одна другая любовь не заставляет душу человека болеть. Но ведь боль – это прекрасно! Знайте цену этих болей!.. Если ты любишь, то у тебя ноют руки, плечи, грудь. И эта сладкая боль превращается в частичку тебя самого. И каждую ночь ты лелеешь свою боль, укрываешься ею...»

Рассказ Керамета – это гимн земной любви, которая составляет основу бытия. В устах Беюкчеля этот гимн звучит несколько парадоксально (кому нужна душа без боли?! – вопрошает писатель), но ты проникаешься его философией и начинаешь ей сочувствовать.

Керамет вместе со своим литературным «эго» пытается найти выход из экзистенциального тупика, из глубоко стрессовой эмоциональной и психологической ситуации, в которой он находится и в которую зачастую загоняет себя сам, не в силах разобраться с клубком внешних обстоятельств и душевной сумятицы. И он вновь обращается к спасительному якорю – любимой девушке, которую просит, умоляет верить ему вопреки всему, даже несмотря на его вранье, вечные отлучки, даже несмотря на возможное предательство. Любить и верить ему. И тогда они будут счастливы (Рассказ «İçib küçədə qalsam»)...

Кстати, в последних рассказах Керамета поубавилось эгоцентризма, стало меньше самобичевания, зато появилось больше воздуха, пространства, появились новые темы и новые герои. В этом плане симптоматичен рассказ «Вратарь» – о школьном друге Назиме, который всегда защищал честь школы, стоя в воротах и не пропустив в матчах ни одного мяча. Потом Керамет поступил в университет, а Назим пошел служить в армию. И оттуда уже не вернулся. Погиб. Керамет пишет о его смерти и вообще о войне просто, без патетики. Но так, что хочется волком выть вслед за автором, который всю ночь прорыдал, услышав весть о гибели своего школьного товарища.

«Наутро после его гибели прочитал в газетах, что Назим пал смертью шехида, как настоящий герой. Увидев, что враг целится в его товарища, Назим одним броском оказался рядом и подставил грудь под пули. И пуля прямоком пробила ему сердце. Ведь Назим был настоящим вратарем, поэтому последний мяч остановил своей грудью, не позволив, чтобы пуля через его ворота попала в родину...»

Кстати, лирический герой Керамета умеет не только грустить и горевать, не только заниматься самобичеванием, он умеет и подшутить над собой, подметить в себе недостатки, увидеть смешное в самой обыденной ситуации, например, во время посещения Милли Меджлиса, или в процессе семейного конфликта отца с матерью. И этот юмор тоже очень чеховский, светлый и добрый...

Конечно, Керамету Беюкчелю еще предстоит долгий и, хочется надеяться, успешный путь в литературе. Ему предстоит избавиться от собственных фобий и страхов, выплеснув их до конца на бумагу, выйти из узкого мирка собственных переживаний и взглянуть на мир, который его окружает. Ему предстоит найти самого себя.

... Один из основоположников французского экзистенциализма Альбер Камю как-то сказал: «Рано или поздно наступает время, когда нужно выбирать между созерцанием и действием. Это и называется: стать человеком».

Думаю, что и Беюкчелю уже пора переходить от созерцания к действию. В противном случае он рискует навсегда остаться «посторонним», подобно герою одноименной повести Альбера Камю. Лирический герой Беюкчеля также ведет частную, одинокую жизнь, и его особенность в том, что он не играет по навязанным ему правилам, что он отказывается лгать себе и другим. И этот нон-конформизм превращает его в чужака, «постороннего» для общества.

И все же жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Эту истину классика марксизма-ленинизма еще никто не опроверг. Хотя многие пытались...

Кто знает, может, таким, как Керамет, это наконец удастся сделать?..

КЕРАМЕТ БЕЮКЧЕЛЬ

РАССКАЗЫ

Перевод Ниджата Мамедова

Вратарь

Мой одноклассник Назим был очень ловким и смелым парнем, никогда от своего не отступался. Никто в классе пересилить его не мог. Мы частенько собирали команду и играли с другими школами в футбол. Назим и тут обладал преимуществом, в ворота, которые он защищал ни разу не забили гол. Почти все матчи мы выигрывали за счет мощного вратарского таланта Назима. Благодаря этому таланту Назим был очень популярен, и благодаря ему мы стали чемпионами межшкольных соревнований.

Окончив среднюю школу, мы сдали экзамен в ВУЗы, большинство наших одноклассников поступило, но Назим учиться не стал. Я ни разу не видел книжки в его руках или ранца на плече. Ну, а раз и я не видел, то другие уж точно. Ведь мы с Назимом были очень близкими друзьями. Я всё его упрекал, советовал поступать, но без толку...

В конце концов, я пошел в университет, а Назим в армию.

Назим служил в Бейлагане, в первые месяцы его службы мы говорили по телефону, потом я разок к нему наведалься. Тот же самый парень, ничуть не изменился. Он так крепко меня обнял, что плечи болят до сих пор.

После приветствия он тут же спросил о Лейле:

– Вышла замуж?

– Да, за состоятельного парня.

Назим любил Лейлу без малого 10 лет, но она его не любила. Так и не ответила взаимностью до самого конца. Назим без устали писал ей письма, но ответа так и не последовало. Правда, мой друг не обладал талантом писать проникновенные фразы, большинство писем составлял я. В одном письме я нарисовал сердце, потом стрелу, пронзающую сердце. Нарисовал красной ручкой капли крови. Капнул на бумагу несколькими каплями корвалола. Всё это были мои придумки...

Оказывается, Лейла даже не читала письма, может, они и тронули бы ее, почти она хоть несколько строк. Даже не знаю почему она их не читала. Знаю лишь то, что пару раз она призналась подругам, что не сможет полюбить Назима даже под страхом смерти. А на их вопрос «почему?» Лейла ответила: «Потому что он не мой тип».

В конце концов Назим всё понял и стал потихоньку забывать Лейлу. Но точно не знаю, может и не забыл, продолжал ее любить. Уверен лишь в том, что безответную любовь забыть непросто.

Мороз в войсковой части Бейлагана сковал даже мимику Назима, не то всё можно было бы прочесть по его лицу...

– Как идет служба?

– Иногда режим прекращения огня нарушается, вот мы им и отвечаем, а еще бережем друг друга изо всех сил.

Грудь Назима была необъятной, напоминала окоп, он так меня обнял на прощание, что мне почудилось будто я в колодезь провалился.

– Ну, береги себя, всего то полгода осталось... – сказал я Назиму.

Я расцеловал друга, пожал ему руку, стукнул пару раз кулаком в плечо – типа «будь здоров». Мои удары для него всё равно что мушиное жужжанье.

– Баку осиротел без тебя, – не удержался я от шутки.

Спустя пять шесть дней после того, как я вернулся из Бейлагана, меня настигла черная весть: Назима убило пулей. Я выл до самого утра как собака. Мать Назима тетя Салима, увидев гроб сына, вскинула руки и принялась танцевать.

Правда, танец матери стали толковать иначе: типа, тетя Салима станцевала потому, что ее сын умер холостяком, не успев завести семью и детей. Но я с этой мыслью согласен не был. Тетя Салима сама не ведала что делает и, поверьте, это еще ужасней.

Спустя время тетя Салима подтвердила мое мнение:

– Да, сынок, я сама не знала, что делаю, как только увидела гроб, захотелось танцевать...

Наутро после смерти Назима я прочел в газетах, что он пал геройской смертью. Увидев, что его близкий друг – сослуживец взят на прицел, Назим вскочил и прикрыл собой друга. Пуля попала ему прямо в сердце. Назим был настоящим вратарем, и потому удержал грудью последний мяч, не дал пуле пройти в ворота родины, которые он защищал...

Кто меня отыщет?

Интересно, кто я из тех, кого я потерял? Не могу себя отыскать. Вот уже который день брожу в поисках. Как найду себя, так и прикончу. Господи, откуда я сюда свалился, откуда упал? Силюсь, силюсь, но припомнить себя не могу. Интересно, нашел ли меня кто-нибудь? Вернут ли обратно? А что со мной будет, если возвращать не собираются? Боже, у кого же узнать куда я запропастился?

Может, знает отец:

– Где я?

– Ты дома, сынок.

– Но меня же нет. Я только что заглянул в свою комнату.

– Врешь, – не поверил он. – Я видел, как ты лежал на кровати. Ворочался в постели. Окликнул тебя пару раз, но ты не откликнулся.

– Почему?

– Не знаю. Глаза у тебя были открыты, а лицо обросло щетиной.

– У меня что, за ночь отросли волосы и щетина? Не веришь, пойдём вместе глянем в мою комнату. Ей-богу, меня там нет, отец! Под одеялом пусто.

Отец крепко рассердился, схватил меня за руку и потащил в комнату:

– Слепой, что ли? Не видишь, что лежишь под одеялом?

– Где же?

Отец откинул одеяло:

– Ты же только что лежал тут, минуту назад я видел тебя в постели.

– Видишь, отец, я же говорю – нет меня.

Может, мать знает, куда я делся.

– Мама, скажи-ка, где твой сын?

– Ты только что зашел в ванную умыться.

Я долго простоял перед дверью ванной. Но оттуда никто не вышел. Я слегка приотворил дверь и увидал, что там никого и в помине нет.

– Ты ведь только что туда зашел, – сказала мать.

Я спросил себя у сестры:

– Не знаешь где твой брат?

– Ты только что вышел из ванной и зашел в свою комнату. Наверно, переодеваясь, собираешься куда-то.

Я заглянул в комнату, меня там не было. Заглянул под кровать, затем в шкаф, поискал среди книг, не было меня нигде. Никто не мог меня отыскать. Ни отец, ни мать, ни сестра, ни брат... Ну, в таком случае отправлюсь к себе на работу. До телефона моего звонки не доходят. Спрашивается, и где же этот человек? Как сквозь землю провалился.

– Да, наверно, на работе, – сказала мать.

На работе? Ладно, ничего страшного. Наверно, и вправду там. Я должен отыскать себя во что бы то ни стало. Хочу сказать себе пару слов. Точнее, хочу сесть лицом к лицу и обстоятельно поговорить. Посмотрим, чего же я, в конце концов, хочу. Если не послушаюсь себя – плюну в лицо. Подлец этакий!

Работа моя далеко от дома, но я добрался туда в мгновение ока.

– Где я? – спросил я охранника в дверях.

– Ты только что зашел внутрь и поднялся наверх, поднимайся – увидишь.

Я спешно поднялся наверх, тихонько приотворил дверь и посмотрел на свой стул, не было меня там. Я провел руками по стулу. Может, всё-таки я здесь, но не вижу.

Я спросил себя у завотдела. Он ответил, что пару минут назад я был здесь, но вышел и скоро приду. Я принялся себя ждать, но так и не пришел.

Я подозвал охранника:

– Ты ведь говоришь, что я тут...

– Ей-богу, ты только что зашел внутрь. Наверно, вышел куда-то. Придешь скоро.

Я прождал несколько часов. Но так и не пришел. Где бы я себя не искал, так и не нашел. Не знал, что же делать, что предпринять. В конце концов, взял свою фотографию и пошел в полицию. Написал заявление о том, что пропал без вести. Перечислил свои приметы: рост метр семьдесят восемь, вес семьдесят килограммов, цвет глаз – карий, волосы длинные, щетина. Написал, что прошу меня найти, найти во что бы то ни стало, я срочно мне нужен.

Вышел из участка и сел на небольшой камень, погрузился в думы. Интересно, кто я из тех, кого я потерял? Не могу себя отыскать. Вот уже который день брожу в поисках. Как найду себя, так и прикончу. Господи, откуда я сюда свалился, откуда упал? Силюсь, силюсь, но припомнить себя не могу. Интересно, нашел ли меня кто-нибудь? Вернут ли обратно? А что со мной будет, если возвращать не собираются? Боже, у кого же узнать, куда я запропастился?

Кто может меня отыскать, пусть поднимет руку.

Суд

Мать с отцом сильно разругались, каждое слово поперек горла вставало. А причиной была ревность мамы. В конце концов пришлось вмешаться мне. Я сказал им: «Мне надоели ваши скандалы, соседи вас слышат, опозорили вы нас. Не можете ужиться – разводитесь, избавьтесь друг от друга, и избавьте нас от своих перепалок». Ни отец, ни мать не стали возражать против моего предложения, видать, гордость взяла верх. Оба, услышав мои слова, тут же согласились.

– Как только уйду от тебя – принесу в жертву барашка, надоело, – сказал отец маме.

– О Боже, дай дожить до того дня! Принесу в жертву барашка, – повторила мама те же слова.

«Никакого суда не надо, – сказал я. – Решите вопрос между собой. Сор из избы не выносите, стыдно ведь. Пусть даже односельчане не знают. Кому какое дело, вместе вы живете или нет? Разве я не прав?».

После того, как они с легкостью разделили имущество – квартиру, машину и остальное – дошла очередь детей. Кто с кем будет оставаться? Нас трое детей: сестра, брат и я. Я старший. Точнее, старший дома – отец, а я старший над детьми. Поэтому роль судьи досталась мне.

– Пускай брат с сестрой остаются у отца, я останусь у мамы.

Я подумал, что это наилучший дележ. К тому же, маму я люблю больше.

– Нет, ты оставайся у меня, а брат с сестрой пусть перейдут на ту сторону, – не согласился отец.

– Почему?

– Потому что ты меня понимаешь.

– Нет! – тут же возразила мама. – Ты оставайся у меня. А другие дети пусть идут с отцом.

– Почему?

– Ты меня понимаешь, ты чуткий, вот почему, – высказала мама ту же мысль.

Разгорелся спор. Я предложил три раза в неделю оставаться с отцом, три – с матерью. Но они опять не согласились.

– У кого ты будешь оставаться по воскресеньям? – спросила мама.

– Первую половину дня с отцом, вторую – с тобой.

– Нет, днем оставайся с матерью, а ночью со мной! – запротестовал отец.

– Почему?

– Потому что я бываю дома только по ночам, днем я на работе...

– Когда тебя нет дома, я глаз сомкнуть не могу, – сказала мама. – Потому ночью оставайся со мной.

– А мне как быть по ночам, мучиться от бессонницы? – повторил отец те же слова.

После долгого судебного разбирательства отец с матерью всё поделили, только вот меня поделить не смогли. То одна, то другая сторона приводила всевозможные аргументы... В конце концов, они вынуждены были помириться.

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

Воспоминание

Александрю Гричу

Ты помнишь старый «Интурист»
И наше скромное застолье?
Ты с Инной, Интигам, Портнов –
Он же виновник торжества,
Наш многоопытный коллега,
Отбарабанивший полвека
В горниле творческих трудов,
Поэт и мастер перевода,
И заслуживший пиетет
У просвещённого народа,
Переводя Бодлера и Мушфига,
Других, от мала до велика.
Звучали тосты и остроты,
Я имитировал, как мог,
Предполагаемые оды
И слог тебе известных строк...
И тут шампанского поток
Соседский стол повергнул в шок.
Ты успокоил воркотню:
Мол, не тревожьтесь за меню,
Шампанское ведь, господа,
Отнюдь не худшая беда.
Ты помнишь, после ресторана,
Под настроенье юбилея
Приспичила нам всем идея
Продлить минуты расставанья...
С тех пор прошла, считай, эпоха,
Довлеет над Землей тревога,
Я вспоминаю тишину
Благословленного бульвара.
Тогда нам было невдогад,
Что есть на свете город Цфат,
Где обоснуется уstad,
И где найдет приют последний
Бодлера и Рембо наследник...
Тогда мы были молодые,
И горизонт был ясен, чист.
Ты помнишь старый «Интурист»?